

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

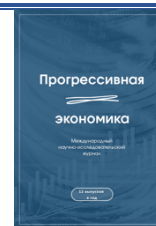
№ 6 / 2026 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/modeli-investiczionnogo-sotrudnichestva-v-integracionnyh-obedineniyah-sravnitelnyj-analiz-i-vyvody-dlya-briks/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.5

УДК 339.727.22

DOI: 10.54861/27131211_2026_6_438

МОДЕЛИ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ВЫВОДЫ ДЛЯ БРИКС

*Волковский А.А., аспирант, Всероссийская академия внешней торговли
Минэкономразвития России, г. Москва, Россия
119285, Москва, ул. Пудовкина, д. 4А
e-mail: temavolk2k17@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ моделей инвестиционного сотрудничества в трёх региональных интеграционных объединениях – Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Южноамериканском общем рынке (МЕРКОСУР) – с целью определения институциональной природы инвестиционного взаимодействия стран БРИКС. Методологическую основу составляет сравнительный институциональный анализ по шести критериям: наличие наднациональных регуляторов, гармонизация инвестиционного законодательства, единые правила доступа инвесторов, механизмы разрешения споров, степень либерализации движения капитала и наличие специализированного института финансирования. Показано, что рассматриваемые объединения образуют спектр институциональных решений – от продвинутой модели ЕАЭС с элементами наднационального регулирования до гибкой координации АСЕАН и ограниченной гармонизации МЕРКОСУР, однако ни одна из этих моделей не описывает БРИКС адекватно. Установлено, что высокая институционализация ЕАЭС не обеспечивает пропорционально высокого уровня взаимного инвестирования, а правовая организация инвестиционного взаимодействия БРИКС ближе к МЕРКОСУР – через координацию разнородных национальных режимов. Обоснован вывод о том, что БРИКС реализует особую коалиционно-институциональную модель инвестиционного сотрудничества, опирающуюся на межгосударственную координацию и многосторонние институты развития, прежде всего Новый банк развития. Полученные результаты применимы при формировании инвестиционной повестки объединения и выработке внешнеэкономической политики России в рамках БРИКС.

Ключевые слова: инвестиционное сотрудничество, БРИКС, интеграционные объединения, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, прямые иностранные инвестиции, институты развития, коалиционно-институциональная модель.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Волковский А.А. Модели инвестиционного сотрудничества в интеграционных объединениях: сравнительный анализ и выводы для БРИКС // Прогрессивная экономика. 2026. № 6. С. 438–451. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_6_438.

Статья поступила в редакцию: 08.05.2026 г. Одобрена после рецензирования: 15.06.2026 г. Принята к публикации: 18.06.2026 г.

MODELS OF INVESTMENT COOPERATION IN INTEGRATION ASSOCIATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS AND IMPLICATIONS FOR BRICS

*Volkovsky A.A., Postgraduate Student, All-Russian Academy of Foreign Trade of
the Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia
119285, Moscow, st. Pudovkina, 4A
e-mail: temavolk2k17@gmail.com*

Abstract. The article offers a comparative institutional analysis of investment-cooperation models in three regional integration associations – the Eurasian Economic Union (EAEU), the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Southern Common Market (MERCOSUR) – in order to identify the institutional nature of investment interaction within BRICS. The comparison rests on six criteria: supranational regulators, harmonisation of investment legislation, common rules of investor market access, dispute-settlement mechanisms, capital-movement liberalisation, and a dedicated financing institution. These associations form a spectrum of institutional solutions – from the advanced EAEU model with elements of supranational regulation to ASEAN's flexible coordination and MERCOSUR's limited harmonisation – yet none describes BRICS adequately. The high institutionalisation of the EAEU does not translate into proportionally high mutual investment, while the legal organisation of BRICS investment interaction is closer to MERCOSUR, resting on the coordination of heterogeneous national regimes. It is argued that BRICS implements a distinct coalition-institutional model, based on intergovernmental coordination and multilateral development institutions, primarily the New Development Bank. The results can inform the investment agenda of the association and Russia's foreign-economic policy within BRICS.

Keywords: investment cooperation, BRICS, integration associations, EAEU, ASEAN, MERCOSUR, foreign direct investment, development institutions, coalition-institutional model.

JEL classification: F21, P45, R42.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Volkovsky A.A. (2026). Modeli investitsionnogo sotrudnichestva v integratsionnykh ob"edineniyakh: sravnitel'nyi analiz i vyvody dlya BRIKS [Models of investment cooperation in integration associations: a comparative analysis and implications for BRICS]. *Progressivnaya ekonomika* [Progressive Economy], 6, 438–451. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_6_438. (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 08/05/2026. Approved after review: 15/06/2026. Accepted for publication: 18/06/2026.

Введение

Растущий экономический вес БРИКС и его роль в трансформации мировой валютно-финансовой системы выдвигают на первый план задачу формирования собственных механизмов инвестиционного взаимодействия стран объединения [1; 2]. Указанная задача актуализируется на фоне нестабильности мировой инвестиционной среды: согласно Докладу о мировых инвестициях ЮНКТАД за 2025 год, глобальные прямые иностранные инвестиции сокращаются второй год подряд, что усиливает значение собственных каналов инвестиционного сотрудничества для стран с формирующимися рынками [3]. Вместе с тем БРИКС не вписывается в классическую теорию экономической интеграции: в логике «лестницы» интеграционных форм – от зоны свободной торговли к таможенному союзу, общему рынку и экономическому союзу [21] – у объединения отсутствуют наднациональные регулирующие органы, единый рынок и унифицированный инвестиционный режим. Данное обстоятельство порождает теоретическую проблему: какими понятийными и институциональными рамками корректно описывать инвестиционное сотрудничество объединения и какие элементы инвестиционной интеграции, отработанные в региональных блоках, применимы к нему, а какие противоречат его природе.

Цель статьи – на основе сравнительного институционального анализа моделей инвестиционного сотрудничества в ЕАЭС, АСЕАН и МЕРКОСУР определить институциональную природу инвестиционного взаимодействия стран БРИКС. Исследовательский вопрос формулируется так: к какому типу институциональной организации тяготеет инвестиционное сотрудничество БРИКС и насколько глубина институционализации объединения связана с интенсивностью взаимных инвестиций? Проверяемая гипотеза состоит в том, что институциональная глубина объединения не определяет интенсивность взаимных прямых инвестиций, а следовательно, наращивание наднациональных институтов не является для БРИКС необходимым условием углубления инвестиционного взаимодействия. Научная новизна работы заключается в том, что инвестиционное сотрудничество БРИКС впервые системно сопоставляется с тремя интеграционными моделями по единому набору институциональных критериев и на этой основе предлагается и положительно определяется самостоятельная коалиционно-институциональная модель инвестиционного сотрудничества.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет сравнительный институциональный анализ, дополненный элементами сравнительного метода «наиболее различных систем»: объединения отобраны так, чтобы максимально различаться по глубине институционализации при сопоставимой задаче – организации взаимного инвестирования. Для сравнения отобраны три региональных объединения – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР). Логика выбора состоит в том, что они образуют спектр институциональных решений: от продвинутой модели с элементами наднационального регулирования (ЕАЭС) через «мягкую» договорную координацию (АСЕАН) до ограниченной гармонизации на основе сети двусторонних соглашений (МЕРКОСУР), по ряду признаков близкой к БРИКС. Анализ ведётся в двух измерениях, которые принципиально важно различать: институционально-правовом (*de jure* – нормы, органы, договоры) и результативном (*de facto* – фактическая интенсивность взаимного инвестирования); расхождение между ними и составляет один из центральных предметов исследования.

Сравнение проводится по шести критериям, объединённым в два канала инвестиционного сотрудничества. Первый канал – защитно-либерализационный режим – включает: 1) наличие наднациональных органов регулирования; 2) степень гармонизации инвестиционного законодательства; 3) наличие единых правил доступа инвесторов к рынкам; 4) механизмы разрешения инвестиционных споров; 5) степень либерализации движения капитала. Второй канал – финансирование развития – фиксируется критерием 6) наличие специализированного института финансирования. Каждый критерий оценивается по порядковой шкале «высокий / средний / низкий (отсутствует)» по прозрачному правилу: оценка «высокий» присваивается при наличии наднационального органа или юридически обязывающего общего режима с механизмом принуждения; «средний» – при наличии общего договора с «мягкими» обязательствами или частичной гармонизации; «низкий» – при опоре исключительно на разрозненную сеть двусторонних соглашений и национальные режимы. Дополнительно фиксируются обобщающие характеристики – тип объединения и модель сотрудничества. Такой набор согласуется с подходами к измерению уровня интеграции, применяемыми, в частности, в системе индикаторов интеграции Евразийской экономической комиссии [6], и со сравнительно-правовыми исследованиями интеграционных объединений [7]. Эмпирической базой служат учредительные и программные документы объединений, статистика взаимных инвестиций (мониторинг Евразийского банка развития, данные ЮНКТАД о двусторонних прямых иностранных инвестициях) за период 2015–2025 годов и профильные аналитические материалы.

Обзор литературы

Теоретической рамкой сравнения служит классическая теория экономической интеграции, выстраивающая «лестницу» интеграционных форм – от зоны свободной торговли через таможенный союз и общий рынок к экономическому союзу [21]; в этой логике объединения упорядочиваются по глубине переданных на общий уровень компетенций. Концепция «нового», или «открытого», регионализма дополняет её, обосновывая возможность устойчивого взаимодействия государств без жёсткой наднациональной надстройки и расширяя привычную типологию интеграционных форм [4]. Понимание интеграции как совокупности институтов – «правил игры», структурирующих взаимодействие, и механизмов их принуждения – опирается на институциональную экономику [22] и позволяет сопоставлять объединения не по декларациям, а по реально действующим нормам. Сравнительно-правовые работы показывают, что близкие по форме интеграционные проекты существенно различаются по глубине гармонизации и институциональному устройству [7]; применительно к отдельным блокам в литературе детально раскрыты специфика интеграции стран Юго-Восточной Азии [12] и проблемы взаимного прямого инвестирования в ЕАЭС [10].

Исследования собственно БРИКС сосредоточены преимущественно на отдельных направлениях сотрудничества. Активно изучаются механизмы валютно-финансовой кооперации и формирование архитектуры дедолларизации в объединении [1; 2], а также роль многосторонних банков развития в полицентричном мире [19]. В инвестиционной сфере значимой остаётся постановка задачи о «дорожной карте» инвестиционного сотрудничества стран БРИКС [5], очерчивающая приоритеты взаимодействия, но не предлагающая институциональной типологизации объединения. Сам формат БРИКС в литературе всё чаще описывается в категориях минилатерализма – узких коалиций государств, добивающихся результата без универсальных и наднациональных институтов [23], однако применительно к инвестиционной сфере этот подход пока не операционализирован.

Таким образом, при значительном объёме работ по региональной интеграции, с одной стороны, и по отдельным аспектам сотрудничества БРИКС – с другой, системное сопоставление БРИКС с действующими интеграционными моделями по единому набору институциональных критериев, равно как и положительное определение его собственной институциональной модели, остаются недостаточно проработанными. Восполнение этого пробела и составляет научную задачу настоящей статьи.

Результаты

Евразийский экономический союз, учреждённый Договором от 29 мая 2014 года, продвинулся в институционализации дальше остальных рассматриваемых объединений [8]. Внутри Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, действует система наднациональных органов во главе с Евразийской экономической комиссией.

Однако высокая институционализация пока не конвертировалась в пропорционально высокий уровень взаимного инвестирования: по данным мониторинга Евразийского банка развития, накопленные взаимные прямые инвестиции стран региона составили порядка 46,1 млрд долл. к середине 2024 года, а их прирост в первом квартале 2024 года оценивается лишь около 4 % [9]. Исследователи связывают этот разрыв с незавершённостью формирования общего рынка капитала и сохранением барьеров на национальном уровне [10]. Отсюда следует принципиальный вывод: даже наиболее институционализированная из рассматриваемых моделей не обеспечивает автоматического углубления инвестиционного взаимодействия, а значит, механический перенос её инструментов на БРИКС тем более не дал бы ожидаемого эффекта.

Интеграционная модель АСЕАН основана на принципах консенсуса, добровольного участия государств и постепенного сближения национальных правовых систем. Основным международным документом в инвестиционной сфере выступает Всеобъемлющее инвестиционное соглашение (ASEAN Comprehensive Investment Agreement, ACIA), подписанное 26 февраля 2009 года и вступившее в силу 29 марта 2012 года. Соглашение регулирует вопросы либерализации, защиты и поощрения инвестиций, а также содержит механизм урегулирования споров между инвестором и государством [11]. При этом в АСЕАН отсутствует наднациональный орган, осуществляющий централизованное регулирование инвестиционной политики. Координация сотрудничества осуществляется на межгосударственном уровне с использованием гибких институциональных механизмов [12]. Данный опыт представляет интерес для БРИКС, где развитие инвестиционного сотрудничества также происходит при сохранении национального суверенитета государств-участников.

Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), созданный на основе Асунсьонского договора 1991 года, накопил собственный опыт регулирования инвестиционных отношений. В 1990-х годах государства объединения приняли Колонийский и Буэнос-Айресский протоколы, однако они так и не вступили в силу. Более поздним этапом стало подписание в апреле 2017 года Протокола о сотрудничестве и облегчении инвестиций, который учитывает современные подходы к инвестиционному регулированию [13]. Для БРИКС данный пример представляет практический интерес, поскольку в объединении также отсутствует единый многосторонний инвестиционный договор. Защита взаимных инвестиций осуществляется преимущественно на основе двусторонних соглашений, которые различаются по содержанию и охватывают не все сочетания государств-участников [14]. Для сопоставления подходов БРИКС, АСЕАН и МЕРКОСУР основные характеристики их инвестиционного регулирования обобщены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика моделей инвестиционного сотрудничества в интеграционных объединениях

Table 1

Comparative characteristics of investment cooperation models in integration associations

Критерий сравнения	БРИКС	ЕАЭС	АСЕАН	МЕРКОСУР
Наднациональные органы регулирования	Отсутствуют	Имеются	Отсутствуют	Ограниченные
Гармонизация инвестиционного законодательства	Низкая / точечная	Высокая	Средняя	Средняя
Единые правила доступа инвесторов	Отсутствуют	Формируются	Формируются	Частично
Механизмы разрешения инвестиционных споров	Отсутствуют общие	Суд Союза	ISDS (по ACIA)	Государство–государство
Степень либерализации движения капитала	Низкая	Высокая	Средняя / растущая	Средняя
Специализированный институт финансирования	Новый банк развития	Евразийский банк развития*	Инфра-структурный фонд АСЕАН**	ФОКЕМ***
Тип объединения	Транс-региональное	Региональное	Региональное	Региональное
Модель сотрудничества	Коалиционно-институциональная	Интеграционная	Координационная	Интеграционно-координационная

Примечания: оценки приведены в обобщённом (качественном) виде.

* Евразийский банк развития организационно не входит в систему органов ЕАЭС, но функционально связан с задачами развития; ** Инфраструктурный фонд АСЕАН – региональный механизм финансирования инфраструктуры (самостоятельного банка развития АСЕАН не имеет); *** ФОКЕМ – Структурный фонд конвергенции МЕРКОСУР.

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

Данные таблицы 1 позволяют сопоставить институциональные основы инвестиционного сотрудничества в рассматриваемых интеграционных объединениях. По уровню формализации правовых механизмов наиболее развитой системой обладает ЕАЭС. В АСЕАН и МЕРКОСУР степень институционализации ниже, тогда как в БРИКС единая нормативная база в инвестиционной сфере находится на начальном этапе формирования. Вместе с тем собственные многосторонние институты финансирования действуют как в БРИКС, так и в ЕАЭС.

Сопоставление организационной структуры объединений с фактическими показателями взаимного инвестирования показывает, что между ними отсутствует прямая зависимость. Несмотря на высокий уровень институционального развития, ЕАЭС характеризуется умеренными объемами и темпами роста взаимных инвестиций. В АСЕАН, напротив, более гибкая

модель сотрудничества сочетается со значительной долей внутрирегиональных инвестиционных потоков. Это позволяет предположить, что наличие развитой институциональной базы само по себе не обеспечивает высокой инвестиционной активности и должно дополняться экономическими, финансовыми и структурными предпосылками. Соотношение между уровнем институционального развития и масштабами взаимного инвестирования представлено на рисунке 1. Для повышения сопоставимости результатов целесообразно дополнить анализ данными о взаимных прямых иностранных инвестициях в рассматриваемых объединениях за единый период на основе статистики ЮНКТАД и ЕАБР.

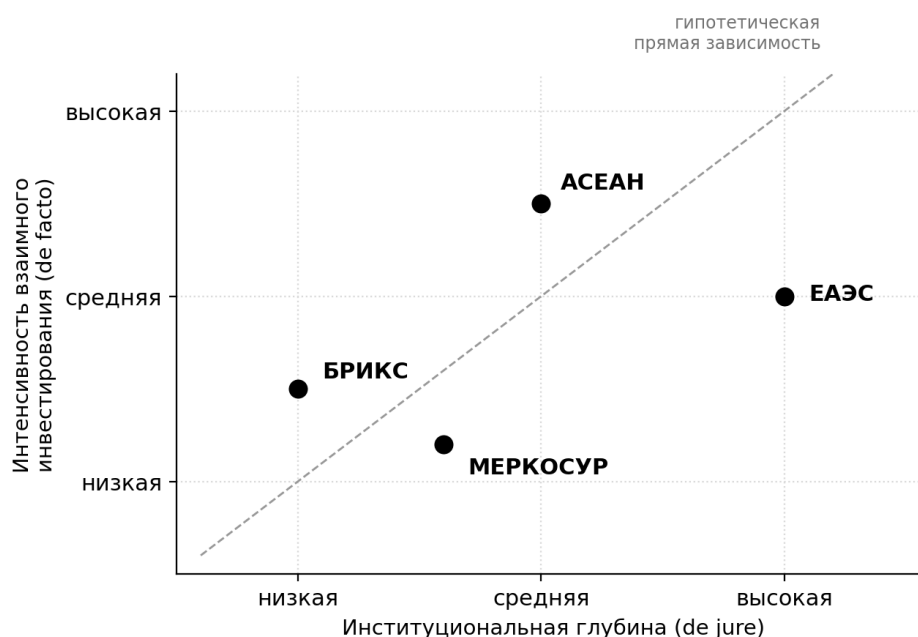

Рис. 1. Позиционирование объединений по институциональной глубине и интенсивности взаимного инвестирования

Источник: составлено автором

Fig. 1. Positioning of associations by institutional depth and intensity of mutual investment

Source: compiled by the author

Обсуждение

Сопоставление по двум измерениям обнаруживает ключевую асимметрию. По институционально-правовому (de jure) измерению БРИКС располагается на минимуме шкалы: от ЕАЭС его отделяет отсутствие наднациональных регуляторов и единого инвестиционного рынка, а от АСЕАН и МЕРКОСУР – сама природа объединения, которое с самого начала складывалось как трансрегиональный, а не региональный проект [5; 15]. Государства-участники объединения территориально рассредоточены по различным континентам и различаются по структуре экономик, что ограничивает применимость традиционных региональных механизмов. Однако по результативному (de facto) измерению этот «институциональный

дефицит» не является приговором: как показано выше, наиболее институционализированный ЕАЭС не обеспечивает пропорционально высокого взаимного инвестирования. Полученный результат подтверждает гипотезу исследования – глубина институционализации и интенсивность взаимных инвестиций связаны слабо.

На этом основании инвестиционное сотрудничество БРИКС целесообразно описывать как самостоятельную коалиционно-институциональную модель, конститутивные признаки которой можно определить положительно: (1) межгосударственная координация вместо передачи компетенций наднациональному органу; (2) многосторонний банк развития как институциональный «якорь» взаимодействия – опора делается не на единый рынок, а на проектное финансирование; (3) «переменная геометрия» и плюрилатеральность – состав участников инициатив варьируется и не требует единого режима для всех; (4) преобладание проектно-целевого, а не рыночно-правового углубления; (5) защита капиталовложений через сеть двусторонних соглашений и «мягкую» координацию, а не через общий инвестиционный договор. Такая конфигурация ближе к минилатеральным, клубным форматам [23], чем к ступеням интеграционной «лестницы» [21]. Институциональным ядром модели выступает Новый банк развития, финансирующий инфраструктурные проекты и проекты устойчивого развития в странах объединения и других экономиках с формирующимися рынками [16]; к 2025 году его совокупный портфель одобренных проектов достиг порядка 40 млрд долл. США по 122 инициативам [17; 18].

Из такой природы следует избирательная применимость регионального опыта. Механизмы, требующие единого рынка и наднациональных органов (модель ЕАЭС), для БРИКС неприменимы; напротив, «мягкая» координация инвестиционных режимов в духе АСЕАН и практика институтов развития поддаются адаптации при условии их встраивания в коалиционную логику. По типу правовой организации инвестиционного взаимодействия БРИКС оказывается ближе к МЕРКОСУР – координации разнородных национальных режимов, а не к институционально продвинутому ЕАЭС. Новейшие эмпирические исследования двусторонних деловых связей внутри объединения подтверждают, что их расширение сдерживается прежде всего институциональными и инфраструктурными барьерами – проблемами расчётов и логистики, усиленными санкционным давлением, – а не отсутствием рыночных стимулов [20]. Расширение объединения до формата БРИКС+ повышает разнородность участников и тем самым работает на коалиционно-институциональную, а не на классическую интеграционную траекторию. Ограничения исследования связаны с качественным (порядковым) характером оценок и неполнотой сопоставимой статистики взаимных инвестиций, что определяет направление дальнейшей работы.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, по совокупности институциональных признаков БРИКС реализует не интеграционную, а особую – коалиционно-институциональную – модель инвестиционного сотрудничества, качественно отличную от интеграционной модели ЕАЭС, координационной модели АСЕАН и интеграционно-координационной модели МЕРКОСУР. Данная модель опирается на межгосударственную координацию и многосторонние институты развития, прежде всего Новый банк развития, а не на наднациональное регулирование и единый рынок.

Во-вторых, инструменты региональной инвестиционной интеграции применимы к БРИКС избирательно: механизмы, требующие наднациональности и единого рынка, неприменимы, тогда как гибкая координация инвестиционных режимов и проектное финансирование через институты развития адаптируемы при условии их встраивания в коалиционно-институциональную логику. В-третьих, высокая институционализация сама по себе не гарантирует роста взаимных инвестиций, что подтверждается опытом ЕАЭС и должно учитываться при выработке инвестиционной повестки БРИКС.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования при формировании инвестиционной повестки БРИКС, обосновании приоритетов Нового банка развития и выработке внешнеэкономической политики России в рамках объединения. В прикладном плане из коалиционно-институциональной природы объединения вытекают конкретные направления: во-первых, принятие рамочного соглашения об упрощении и содействии инвестициям по образцу внутри-МЕРКОСУРовского протокола 2017 года и АСІА, не требующего наднациональности; во-вторых, расширение финансирования Нового банка развития в национальных валютах для снижения зависимости от внешней расчётной инфраструктуры; в-третьих, разработка модельного двустороннего инвестиционного договора и «мягкого» механизма урегулирования инвестиционных споров внутри объединения; в-четвёртых, запуск регулярного мониторинга и построение интегрального индекса взаимных инвестиций стран БРИКС. Последнее из указанных направлений определяет и перспективу дальнейших исследований – эмпирическую оценку уровня инвестиционного взаимодействия и проверку выявленной слабой связи между институциональной глубиной и интенсивностью инвестиций на расширенной выборке БРИКС+.

Литература

1. Гусев К. Н., Цибулина А. Н. Механизмы валютного сотрудничества в БРИКС: первые результаты и новые вызовы // Современная Европа. 2024. № 4. С. 87–99. <https://doi.org/10.31857/S0201708324040077>.
2. Подругина А.В., Романова В. Формирование архитектуры дедолларизации в странах БРИКС // Современная мировая экономика. 2025. Т. 3. № 4 (12). С. 8–24. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-4-8-24>.
3. World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025>.
4. Хейфец Б. А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С. 7–22.
5. Хейфец Б. А. Дорожная карта инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 6. С. 19–28.
6. Система индикаторов интеграции : методологический подход к оценке уровня интеграции в ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org>.
7. Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 154–168.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: <https://docs.eaeunion.org>.
9. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР 2024. Евразийский регион : доклад 24/10. Алматы : Евразийский банк развития, 2024. URL: <https://eabr.org>.
10. Давыденко Е.В. Прямые взаимные инвестиции в Евразийском экономическом союзе: проблемы и перспективы // Экономические отношения. 2024. Т. 14. № 4. С. 749–761.
11. ASEAN Comprehensive Investment Agreement (ACIA). URL: <https://asean.org>.
12. Ле В.Х. Специфика и ключевые элементы региональной экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии (на примере АСЕАН) // Экономика и управление. 2016. № 4. С. 68–72.
13. MERCOSUR. URL: <https://www.mercosur.int>.
14. Инвестиции в странах БРИКС: как инвестору защитить активы : аналитическое исследование международных соглашений стран БРИКС. URL: <https://pravo.ru>.
15. BRICS: Areas of Cooperation (Political and Security; Economic and Financial; Cultural and People-to-People) // BRICS Brazil 2025. URL: <https://brics.br/en>.
16. New Development Bank: About NDB. General Information // New Development Bank. URL: <https://www.ndb.int>.

17. Новый банк развития расширение членства и результаты операционной деятельности с момента основания : аналитический материал / Национальный комитет по исследованию БРИКС. 2025. URL: <https://bricscouncil.ru>.

18. Пилипенко И. Новый банк развития: итоги первых десяти лет операционной деятельности банка объединения БРИКС // Международная жизнь. 2025. № 9. С. 96–105.

19. Худякова Л. С., Сидорова Е. А. Многосторонние банки развития в полицентричном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 10. С. 17–26.

20. Чиркин С.А. Россия Бразилия: новые горизонты делового сотрудничества в эпоху глобальных перемен // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 12. С. 107–122. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-12-107-122>.

21. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood (Illinois): Richard D. Irwin, 1961. 304 p.

22. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.

23. Naím M. Minilateralism: the magic number to get real international action // Foreign Policy. 2009. No. 173. P. 135–136.

References

1. Gusev K.N., Tsibulina A.N. (2024). Mekhanizmy valyutnogo sotrudnichestva v BRIKS: pervye rezul'taty i novye vyzovy [Mechanisms of monetary cooperation in BRICS: first results and new challenges]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe], 4, 87–99. <https://doi.org/10.31857/S0201708324040077>. (In Russ., abstract in Eng.).

2. Podrugina A.V., Romanova V. (2025). Formirovanie arkhitektury dedollarizatsii v stranakh BRIKS [Formation of the de-dollarization architecture in the BRICS countries]. Sovremennaya mirovaya ekonomika [Contemporary World Economy], 3(4), 8–24. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-4-8-24>. (In Russ., abstract in Eng.).

3. World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy. UNCTAD. Retrieved from: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025>. (In Eng.).

4. Kheifets B.A. (2024). Geopoliticheskii regionalizm i novaya regionalizatsiya mirovoi ekonomiki [Geopolitical regionalism and the new regionalization of the world economy]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii [International Organisations Research Journal], 19(4), 7–22. (In Russ., abstract in Eng.).

5. Kheifets B.A. (2013). Dorozhnaya karta investitsionnogo sotrudnichestva stran BRIKS [Roadmap for investment cooperation among BRICS

countries]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 6, 19–28. (In Russ., abstract in Eng.).

6. Sistema indikatorov integratsii: metodologicheskii podkhod k otsenke urovnya integratsii v EAES [System of integration indicators: a methodological approach to assessing the level of integration in the EAEU]. Eurasian Economic Commission. Retrieved from: <https://eec.eaeunion.org/>. (In Russ.).

7. Rafalyuk E.E., Zaloilo M.V., Vlasova N.V. (2016). Ponyatiya, vidy i formy evraziiskogo i latinoamerikanskogo integratsionnykh ob"edinenii (sravnitel'no-pravovoi analiz) [Concepts, types and forms of Eurasian and Latin American integration associations: a comparative legal analysis]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 1(229), 154–168. (In Russ., abstract in Eng.).

8. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze [Treaty on the Eurasian Economic Union]. Legal Portal of the Eurasian Economic Union. Retrieved from: <https://docs.eaeunion.org/>. (In Russ.).

9. Monitoring vzaimnykh investitsii EABR 2024. Evraziiskii region [EDB Mutual Investment Monitoring 2024. Eurasian Region]. Eurasian Development Bank. Almaty, 2024. Retrieved from: <https://eabr.org/>. (In Russ.).

10. Davydenko E.V. (2024). Pryamye vzaimnye investitsii v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze: problemy i perspektivy [Mutual foreign direct investment in the Eurasian Economic Union: problems and prospects]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Journal of International Economic Affairs], 14(4), 749–761. (In Russ., abstract in Eng.).

11. ASEAN Comprehensive Investment Agreement (ACIA). ASEAN. Retrieved from: <https://asean.org/>. (In Eng.).

12. Le V.Kh. (2016). Spetsifika i klyuchevye elementy regional'noi ekonomicheskoi integratsii stran Yugo-Vostochnoi Azii (na primere ASEAN) [Specific features and key elements of regional economic integration in Southeast Asia (the case of ASEAN)]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 4, 68–72. (In Russ., abstract in Eng.).

13. MERCOSUR. Retrieved from: <https://www.mercosur.int/>. (In Eng.).

14. Investitsii v stranakh BRIKS: kak investoru zashchitit' aktivy: analiticheskoe issledovanie mezhdunarodnykh soglashenii stran BRIKS [Investments in BRICS countries: how investors can protect their assets: analytical study of BRICS international agreements]. Retrieved from: <https://pravo.ru/>. (In Russ.).

15. BRICS: Areas of Cooperation (Political and Security; Economic and Financial; Cultural and People-to-People). BRICS Brazil 2025. Retrieved from: <https://brics.br/en/>. (In Eng.).

16. New Development Bank: About NDB. General Information. New Development Bank. Retrieved from: <https://www.ndb.int/>. (In Eng.).

17. Novyi bank razvitiya: rasshirenie chlenstva i rezul'taty operatsionnoi deyatel'nosti s momenta osnovaniya: analiticheskii material [New Development

Bank: membership expansion and operational performance since its establishment: analytical report]. National BRICS Research Committee, 2025. Retrieved from: <https://bricscouncil.ru>. (In Russ.).

18. Pilipenko I. (2025). Novyi bank razvitiya: itogi pervykh desyati let operatsionnoi deyatel'nosti banka ob"edineniya BRIKS [New Development Bank: results of the first ten years of BRICS bank operations]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]*, 9, 96–105. (In Russ., abstract in Eng.).

19. Khudyakova L.S., Sidorova E.A. (2024). Mnogostoronnie banki razvitiya v politsentrichnom mire [Multilateral development banks in a polycentric world]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 68(10), 17–26. (In Russ., abstract in Eng.).

20. Chirkin S.A. (2024). Rossiya – Braziliya: novye gorizonty delovogo sotrudnichestva v epokhu global'nykh peremen [Russia and Brazil: new horizons of business cooperation in the era of global change]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, 12, 107–122. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-12-107-122>. (In Russ., abstract in Eng.).

21. Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood (Illinois): Richard D. Irwin. (In Eng.).

22. North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.).

23. Naím M. (2009). Minilateralism: the magic number to get real international action. *Foreign Policy*, 173, 135–136. (In Eng.).

© Волковский А.А., 2026